

Культура. — 2008. —
17-23 янв. — С. 7

Естество расстрела

“Змей” Алексея Мурадова. Дебют

В штатном расписании профессия эта определена как “офицер по исполнению приговоров”. В бытовом общении таких профессионалов называют “палач”. До недавнего времени — до отмены смертной казни в России — была необходимостью в подобном рода “специалистах”. И не исключено, что может еще вновь возникнуть. Естественно, что человек, занятый работой — а это тоже работа, — не может не привлекать к себе внимания, в том числе и художников. Они пытаются постичь, что скрыто в душе того, кто лишает жизни себе подобных, отчетливо понимая суть им свершаемого.

Выпускник Высших режиссерских курсов режиссеров Алексей Мурадов вместе со сценаристом Юрием Солодовниковым и прекрасным оператором Робертом Филатовым именно на такого профи-палача направили свой взор. Они сняли фильм “Змей”, казалось бы, вопреки тому, что диктовал им материал, исполненный жестокости и крови. Жизнь героев “Змея” буднична, монотонна: день да ночь — сутки прочь. Встает хозяин дома, когда только начинает светать. Мрачный, недобрый, выясняет отношения с женой, выносит мусор, бросает какие-то слова соседям. Меняется только тогда, когда раздается голос сына: теплые, живые нотки, улыбка. Зрители видят ребенка, маленького калеку с парализованными ногами. Потом к отцу возвращается та же хмурая замк-

нутость, жесткое, непроницаемое выражение лица. На работе он так же отстранен от всего и всех, получая оружие, стреляя в приговоренного, сдавая оружие. Что делать, если его работа — убийство?

И работает он с отчаянной, какой-то неподвижной решимостью. Но за каждым внешне буднично запечатленным моментом его рабочего дня, домашних забот постепенно открывается то, ради чего “майор из подразделения МВД” вбивает клин между собой и миром.

Картина снята подчеркнуто прозаично, скупой и сдержанно. Маленький военный поселок, хрущевки с давно облупившимися стенами. Грязные, пыльные пустыри. Редкие чахлые деревья. Ни единой радужной краски, яркого пятна, которые бы вдруг вспыхнули на этом унылом, полуметровом пространстве. Таких красок нет и не может быть в жизни, которую здесь ведут немногочисленные обитатели. Не только майор МВД Виктор (Виктор Соловьев) и его жена, бывшая учительница Лена (Надежда Озерова), но и остальные, среди них, естественно, бомжи, беспризорники, женщины, мужчины, дети из ободранных малозащиток. И все это — наша общая жизнь, механический, обездушенный мир, в котором почти естественной оказывается сама процедура расстрела. Холодом веет от долгих, серых, бесконечных коридоров, по которым волокут осуж-

денного на смерть к месту казни, от лиц конвоиров, лишенных какого бы то ни было выражения. Весь огромный монолог приговоренного, звучащий на протяжении его последнего пути, — сбивчивая, ма-

лопонятная скороговорка заики, пытающегося оправдаться, как это ни нелепо, ни бессмысленно. Лицо говорящего не дано увидеть крупным планом, видна только маленькая скорчившаяся фигурка —

уже не человека. Впрочем, нет, человека, осознающего в последний момент с предельной ясностью, что он никому не нужен и его уход в мир иной вряд ли будет замечен. Это переключается и откликается в одном из кадров, когда наконец-то крупно сняты ступни расстрелянного. Последняя деталь. Финал пути, который уже исчезает, запорошенный серой поселковой пылью. А исполнитель идет получать деньги: за всякий труд положено платить.

Картина “Змей” снята учеником Алексея Германа и Светланы Кармалиты. Более всего этот фильм коррелируется с их последней работой “Хрусталев, машину!”, с мыслью о моральном бессилии, от которого прямая дорога к войне против вся и всех.

Имеет ли право некий заурядный майор отправлять себе подобных в последний трагический вояж? Ответ, лежащий на поверхности: не он, так кто-то другой привел бы приговор в исполнение. Герой “Змея” идет на это ради своего больного сына. С его нищенской зарплаты, притом что жена сидит дома, ухаживая за сыном, вряд ли возможно скопить деньги на операцию, которая избавит мальчика от участи калеки. Майор вообще, видимо, не так давно занял свою жутковатую должность: нынче расстрелянный — только пятый на его счету. Ночью, перед сном, Виктор старательно пишет заявление начальству с

просьбой о продлении работы. А дальше чисто германовская деталь: профессиональный расстрельщик просит жену проверить заявление на предмет исправления грамматических ошибок.

Раз уж имя Германа вновь возникло, то как не сказать, что аура учителя, этой мощной, максимально одаренной личности, все же излишне захватывает ученика, иногда почти не оставляя пространства для собственного киноязыка. Конечно, Мурадову было непросто вырваться из-под влияния Германа, который наверняка в глазах дебютанта — абсолют в профессии. И все же порой ученичество Мурадова утомляет.

Тем более он умеет мыслить и неподражательно, в этом убеждает то, как режиссер реализует один из основных мотивов “Змея”, в общем, далекий от этических проблем, занимающих Алексея Германа. Мурадов, особенно ближе к финалу, все больше обращает фильм к большой, волнующей его теме: стертости границ между добром и злом. Уже упоминалось, что проще и легче всего осудить майора. Разве он того не заслуживает — и выбранным им жестоким способом зарабатывать на жизнь, и системой взаимоотношений с миром, и бушующей в нем невероятной агрессией, которая постоянно ищет выхода и взрывается, извергая лаву, подобно сицилийской Этне? В драке с отцом мальчишки, обидевшего сына Виктора, майор

теряет власть над собой, и кажется, вот-вот убьет человека. Достаточно вспомнить, как швырнули на землю мальчика-инвалида и его коляску сверстники, причем сразу после того, как Виктор подарил этой же ребятне радость запуска бумажного змея. Майор не станет размышлять о природе их поступка. Размышление не его сфера. Важен сам факт, утверждающий его в том, что жестокость можно поправить только еще большей жестокостью. Он и расстреливает людей просто, не задумываясь о том, что вершит в эти минуты. Все мысли о том, что скоро еще какая-то сумма будет отложена на лечение. Такими людей делает жизнь.

Фильм Алексея Мурадова выделяется среди новых картин. Нынешние кинематографисты, натренированные диким капитализмом последних лет, уходят от желания вести со зрителями духовный диалог. Неистово спешащие, они торопятся разоблачить или воспеть очередную брателлу, поплакать горячими слезами над судьбой добродетельной путаны...

В первой большой картине А.Мурадова, конечно, есть заметные огрехи, характерные для дебюта. Но было бы наивно сразу ждать совершенного произведения от автора и его товарищей, всерьез взявшихся за бередающий душу и разум материал.

Эльга ЛЫНДИНА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

А.Мурадов получает первый приз фестиваля “Сталкер”